

**А.В. Ломанов**

ИДВ РАН

### **Интеллектуалы критикуют Гоминьдан: Ху Ши, Лян Шицю, Ло Лунци**

В конце 1920-х годов в Шанхае несколько влиятельных интеллектуалов, собравшихся вокруг журнала «Новолуние» (*Синь юэ* 新月), выступили против авторитарной политики Гоминьдана. Критики придерживались либеральных взглядов, их сближал общий опыт учёбы за рубежом, прежде всего в США. Ху Ши, Лян Шицю и Ло Лунци выступили против системы однопартийной власти и стремления навязать обществу партийную идеологию, они считали необходимым «установить свободу критики Гоминьдана и свободу критики Сунь Ятсена» [3, с. 523]. Их публикации в защиту прав человека в Китае появились в 1928–1929 годах на страницах журнала *Синьюэ*. В январе 1930 г. они были изданы в «Сборнике статей о правах человека» (*Жэньцзянь лунци* 人权论集).

Наибольший резонанс вызвали выступления авторитетного учёного и мыслителя Ху Ши (1891–1962). Он получил образование в Колумбийском университете под руководством известного философа Д. Дьюи. На рубеже 1910–20-х годов с опорой на западные методы Ху Ши исследовал историю древнекитайской философии, выступал за создание новой литературы на разговорном языке, в споре о проблемах и «измах» предлагал эволюционный путь развития страны. Его выступлению с критикой Гоминьдана предшествовала поездка в Европу и США, длившаяся с лета 1926 г. по апрель 1927 г. За это время в Китае произошли большие перемены, связанные с укреплением центральной власти. Ху Ши не стал возвращаться в Пекин, находившийся в то время под контролем милитаристов. Он обосновался в находившемся под властью гоминьдановцев Шанхае, там в 1928 г. он занял пост ректора частного Китайского колледжа (*Чжунго гунсюэсяо* 中国公学校).

Первоначально Ху Ши был недоволен избытком политических лозунгов, апеллирующих к эмоциям людей и формирующих психологию слепого подчинения. Он отмечал, что механическое повторение стереотипных формул вытесняет мысль и подменяет её простыми ассоциациями –

---

© Ломанов А.В., 2012

к примеру, «верных товарищей» нужно «защищать», а «реакционеров» – «громить». Он полагал, что власти подменяют серьёзную работу по развитию культуры и образования распространением политической пропаганды, при этом вера во всеилые лозунгов обретает магический характер. Учёный призвал отказаться от этой практики и не смешивать политику с тиражированием лозунгов.

В 1929 г. Ху Ши предложил сдержать произвол властей и попытки партии поставить себя выше закона с помощью принятия временной конституции. Примечательно, что он сформулировал эту цель в виде лозунгов: «Скорее создать временную конституцию, чтобы заложить основы правления по закону (*фа чжи* 法治)! Скорее создать временную конституцию, чтобы защитить права человека!» [3, с. 529]. Сперва Ху Ши пытался обосновать ускорение перехода к конституционному правлению ссылками на наследие Сунь Ятсена, занявшее центральное место в идеологии Гоминьдана. Он полагал, что на основании изучения его высказываний можно сделать вывод, что управление такой большой страной как Китай не может быть эффективным без принятия «большого закона».

Однако в работе Сунь Ятсена *Цзяньго даган* содержалось чёткое указание на то, что провозглашение конституции происходит лишь на завершающем этапе конституционного правления, который следует за периодами военного правления и политической опеки. Ху Ши признал, что допустил ошибку. При этом он обвинил в серьёзной ошибке самого Сунь Ятсена, откладывавшего переход к конституционному правлению из-за сомнений в способности простых людей участвовать в политической жизни.

Ху Ши заметил, что Сунь Ятсен учил о «трудности знания и лёгкости действия» (*чжи нань син и* 知难行易). Официальная трактовка сводилась к тому, что людям для накопления знаний требуется длительная предварительная подготовка в форме политической опеки. Однако, по мнению Ху Ши, для участия в политической жизни народу нужны не специальные познания, а опыт: «Демократический строй сам по себе есть вид образования» [3, с. 536]. Наличие конституции поможет людям продвигаться по пути демократии, это нужно не только для определения прав народа, но и для ограничения прав властей, без чего политическая опека может превратиться в диктатуру. «Подготовка, которая нужна народу – это гражданская жизнь (*гунминь шэнхо* 公民生活) при конституции. Подготовка, которая нужна правительственным и партийным чиновникам – это жизнь [в условиях] правового правления (*фачжи шэнхо* 法治生活) при конституции» [3, с. 538]. Когда власть имущие с опорой на конституцию научатся ограничивать свои действия, они смогут научить простых людей жить по правилам демократического государства.

Ху Ши видел ошибку Сунь Ятсена в чрезмерном разделении «знания» и «действия», стремлении подчинить действия «незнающих» людей приказам «знающих» вождей. Это принесло успех во время революции, но превращение формулы «знать трудно, действовать легко» в часть идеологии правящей партии опасно. Молодёжь верит в лёгкость действия и пренебрегает знаниями; власти провозгласили вершиной

познания труда Сунь Ятсена, требуя от народа полного подчинения и не допуская сомнений и дискуссий. Ху Ши призывал напоминать людям о том, что «лёгкость» действия относительна, а бесполовые поступки могут принести вред.

Самая большая угроза таится, по мысли Ху Ши, в непонимании сложности государственных дел: «Когда группа не имеющих современной научной подготовки людей правит не обладающей современной материальной базой большой страной, есть ли в Поднебесной дело труднее этого? Чтобы добиться успеха, нет иного выхода, кроме как в полной мере обращаться за советами к специалистам, использовать науку. Иначе учение о „лёгком действии“ станет прикрытием для группы необразованных военных и политиков! Если это учение не исправить, политика специалистов (*чжуаньцзя чжэнчжи* 专家政治) никак не сможет реализоваться» [3, с. 600].

Не ограничившись обвинением в необразованности, Ху Ши назвал гоминьдановских правителей «реакционерами», поддерживающими консервативные националистические тенденции и подавляющими свободу слова. Он пояснил, что хочет пробудить у партии сознательность, прежде всего в рядах молодёжи, чтобы она смогла своевременно принять меры и спасти партию от краха. «Ныне Гоминьдан в значительной мере утратил симпатии людей. Наполовину потому, что политические мероприятия не удовлетворяют людские чаяния, наполовину потому, что окостенение мысли не может привлечь сочувствие передовых мыслящих кругов. Когда сочувствие передовых мыслящих кругов полностью закончится, тогда же иссякнет масло и погаснет фитиль Гоминьдана» [3, с. 588].

Вторжение в сферу официальной идеологии вызвало ответную реакцию. Ху Ши получил предупреждения от партийных органов и от министерства образования, продажа номеров журнала *Синьюэ* с его критическими статьями была запрещена. Весной 1930 г. его отставка с поста ректора Китайского колледжа совпала с возвращением на прежние умеренные реформаторские позиции. Ху Ши призвал двигаться по пути эволюционных изменений для решения главных проблем Китая (нищета, болезни, невежество, коррупция и смута), он осудил насильственную революцию и рекомендовал не называть всех несогласных «контрреволюционерами» (см. [1, с. 176–177]). Китайский исследователь Гэн Юньчжи отмечает, что период «неприятных отношений» с гоминьдановскими властями завершился для Ху Ши в начале 1931 г., когда тот вернулся в Пекинский университет [2, с. 171].

Критику авторитарных устремлений Гоминьдана поддержал Лян Шицзо (1903–1987) – писатель, лексикограф, знаток английской литературы, создавший впоследствии первый полный перевод произведений Шекспира. Он изучал литературу в Гарвардском университете под руководством Ирвинга Бэббита, принадлежавшего к «движению нового гуманизма» в литературной критике. Лян Шицзо верил, что литература призвана отражать общие проблемы человеческой природы, которые выходят за рамки социальных различий. После возвращения в Китай в

1926 г. он выступал за надклассовый характер литературы и призывал не использовать её в пропагандистских целях. С ним полемизировали Фэн Найчао и Лу Синь, считавшие, что революционная литература должна стоять на классовых позициях.

Лян Шицю в 1929 г. предупредил, что на фоне движения Китая к политическому, военному и финансовому объединению появились призывы к «идеологическому единству» (*сысян тунъи* 思想统一), как если бы это была одна из предпосылок единства страны. Однако в этом нет необходимости и это невозможно. Лян Шицю заметил, что ставшие во времена Республики официальным каноном идеи Сунь Ятсена были при Цинах «реакционными», и если бы Сунь Ятсен стремился к «единомыслию», то отказался бы от своих революционных взглядов и стал бы послушным подданным императора. В современном мире невозможно знать, идеи какого человека или течения должны занимать центральное положение. «В России осуществляют диктатуру и поддерживают идеологическое единство, Рассел нам рассказывал, как профессор эстетики начал излагать эстетику с взглядов Маркса! Эстетику можно привести к марксистскому единству, а нельзя ли таким же образом попросить Маркса объединить физику, химию, математику, музыку, поэзию? Такое единство на деле бесполезно» [3, с. 558].

По мнению Лян Шицю, единство Китая должно быть основано на единстве воли народа, а не временном объединении с помощью авторитета силы. Он указал на опасность попыток навязать единомыслие. В сфере образования это ведёт к тому, что у молодёжи не вырабатываются способности сомнения и творчества. В пропаганде тиражирование лозунгов даёт краткосрочный эффект, но в итоге создаёт не «единство мысли», а «слепое подчинение» масс. Столь же пагубным является использование политической или экономической силы для вытеснения инакомыслящих, когда человек лишается возможности прокормить себя не отказавшись от своих взглядов, либо вынужден демонстрировать «единомыслие» в ходе экзаменов. Если долго навязывать «единомыслие», неизбежно возникнет резкая реакция, которая может привести к большому беспорядку в обществе.

Те, у кого действительно есть собственное мнение, никогда не примут идейного единообразия – они уйдут в тень или станут призывать к революции. На словах с единомыслием согласятся конъюнктурщики, «мелкие люди», получившие образование, но не имеющие смелости. Ещё одна категория людей – те, у кого вообще нет мыслей и кто может лишь подчиняться. Если опорой общества станут вторые и третьи, возникнет большая опасность. Лян Шицю заметил, что в условиях единомыслия будет нелегко появиться партийным «верным товарищам» (*чжунниши тунчжи* 忠实同志), поскольку у «товарищей» сперва должна быть воля-*чжи* и лишь потом единство-*тун*, а не наоборот. Следовательно, лишь когда есть свобода мысли и вероисповедания можно разглядеть различие «товарищей» и не «товарищей». Пригодные для государственной деятельности «верные товарищи» не появятся среди конъюнктурщиков и слепо подчиняющейся толпы [3, с. 561].

Лян Шицю подчеркнул, что иностранцы часто хвалят Китай как страну, где даже в условиях автократии была свобода мысли, сосуществовали различные философские школы и религии. В 1920-е годы мысль стала ещё более свободной – к примеру, если в Японии нельзя проповедовать коммунизм и в США нельзя говорить об ограничении рождаемости, то в Китае всё это допустимо. «Мы, китайцы, привыкли любить толерантность, поэтому устремлены к свободе мысли, жаль, что эта прекрасная традиция, которой поклоняются во всём мире, ныне оборвалась!» [3, с. 562]. Лян Шицю призвал не создавать «новые суеверия», потребовав обеспечить свободу мысли и дать ей правовую защиту: «Мы против единомыслия! Мы требуем свободы мысли! Мы выступаем за свободу образования!» [3, с. 562].

Попытки гоминьдановских пропагандистов создать «литературу трёх народных принципов» и поставить барьер на пути произведений, которые «оплакивают судьбу нации», «отражают феодальные идеи» и «воспевают классовую борьбу» Лян Шицю воспринял с иронией: «Мы готовы ждать 10, 20, 30 лет, пусть только кто-то из верных товарищей представит нам для прочтения произведение „литературы трёх народных принципов“» [3, с. 563]. Он заметил, что если произведение пропагандирует некий «изм», оно теряет свою художественную ценность. Литература и искусство являются не средством, а целью, они должны свободно развиваться вне зависимости от того, как они соотносятся с идеологией «трёх народных принципов».

Если выступление Лян Шицю строилось на его представлениях о литературе и художественном творчестве, то публикации Ло Лунцзи (1898–1965) отразили солидную профессиональную подготовку в области политологии. Учёбу за рубежом он начал в США в Висконсинском и Колумбийском университетах, потом учился в Лондонской школе экономики у видного представителя британского лейбористского движения Гарольда Ласки. Осенью 1928 г. Ло Лунцзи вернулся в Китай, он стал профессором политологии в Университете Гуанхуа (Шанхай) и одновременно деканом факультета политологии в Китайском колледже, который возглавлял Ху Ши.

«Несостоятельность прав человека стала в нынешнем Китае реальностью, которую невозможно скрыть... Стремление подняться [на борьбу] за возвращение прав человека уже стало в Китае решимостью людей, которые хотят быть людьми. Движение за права человека на деле уже началось. Его успех – это вопрос времени. И в этом не требуются особые стимулы» – заявил Ло Лунцзи летом 1929 г. [3, с. 540].

Хорошее знание истории стран Запада и их политических систем позволило Ло Лунцзи изложить проблемы прав человека в Китае в контексте зарубежного опыта. Он составил программу из 35 пунктов, в которой права человека были истолкованы как «права быть человеком» (*цзо жэнь дэ цюань* 做人的权) [3, с. 541]. Указав на признание в западной традиции права людей на сопротивление гнёту, учёный отметил, что в Китае развитие представлений о правах человека на свободу и равенство было очень

замедленным – зато право на революцию признали рано, что отразилось уже в наследии Мэн-цзы. Более близким во времени примером стала деятельность Сунь Ятсена, использовавшего право людей на революцию для защиты свободы и равенства [3, с. 549].

Ло Лунцзи предположил, что историки будущих поколений забудут охватившие страну кровавые междоусобные конфликты. А вот давление на Ху Ши запомнится как главное событие 1929 г., сопоставимое разве что с «постыдным вторжением русских в Маньчжурию» [3, с. 564]. По мнению Ло Лунцзи, историки проявляют повышенное внимание к прецедентам использования политической власти для подавления свободы слова. К примеру, за 19 лет правления император Цинь Шихуан лишил жизни многих людей, историки не зафиксировали все эти события, но память о сожжении книг и истреблении конфуцианцев живёт и поныне.

Подавление свободы слова может принести больше опасностей, чем сама свобода слова, полагал Ло Лунцзи. На примерах из западной истории начиная с Древнего Рима он старался показать, что подавление свободы слова не даёт чудесного способа победы над оппонентами – более того, в итоге они одерживают победу. В частности, к ограничению свободы прибегали в царской России. «И куда теперь подевался Николай Второй? Красные знамена заполнили всю Россию, так удалось ли рассеять коммунистическое учение Маркса и Ленина методом одной лишь опоры на подавление свободы слова?» [3, с. 574].

Учёный заметил, что гоминьдановским «верным товарищам» следовало бы признать, что действия цинских властей, которые уничтожали революционную партию, закрывали газеты и сжигали книги, были глупостью. Маньчжурская династия Цин не смогла уничтожить учение Сунь Ятсена, в наши дни оно тем более не нуждается в защите, опирающейся на подавление свободы слова. Ло Лунцзи сообщил, что выполнение официального распоряжения об углублённом изучении наследия Сунь Ятсена убедило его в том, что премьер был защитником свободы слова. Те, кто подавляет свободу слова, «не поняли партийное учение», они «идут наперекор поучениям премьера» и потому являются «реакционерами» или «контрреволюционерами» [3, с. 565].

Ло Лунцзи призывал передать политическое управление в Китае в руки специалистов (*чжуаньцзя чжэнчжи*). После промышленной революции мир стал другим – политические и экономические проблемы стали сложнее; появление новых средств транспорта и связи, разработка недр, увеличение народонаселения – всё это требует от политиков научных знаний. Тем временем в Китае царит политический беспорядок и страной правят люди, не разбирающиеся в политике и управлении. На всех уровнях власть опирается на военных, уровень познаний которых в современном военном деле вызывает сомнения, не говоря уже об политических знаниях. По словам Ло Лунцзи, доверять им дела государства столь же опасно, как сажать рикшу за руль автомобиля.

Десятки тысяч китайских чиновников занимают посты без выборов и экзаменов на основании выдвижения, рекомендации или сговора. Эта

система прикрывается «партийным правлением», стало нормой при найме на работу в органы управления первыми брать членов партии, а при сокращении первыми увольнять беспартийных. «А кто решится сказать, что в политике Китая члены партии все специалисты, а не члены партии все не специалисты?» [3, с. 606–607].

Сторонники «политики специалистов» готовы принять официальный тезис о необходимости «политической опеки» для обучения народа под руководством партии, но при этом возникают вопросы – кто учит политике и как учить политике. По мнению Ло Лунцзи, попытка литератора обучать солдат выглядит столь же комично, как и проведение политической подготовки военными. Намекая на некомпетентность правящих Китаем выпускников военных академий, он напомнил о приглашении за большие деньги военных специалистов из Германии – если военным в их собственной сфере нужны советы профессионалов, это тем более очевидно в чужой для них сфере политики. Поэтому политическую подготовку или «опеку» в Китае нужно начинать не с простых людей, а с чиновников, чтобы обладающие политической властью смогли стать профессионалами.

По поводу методов обучения Ло Лунцзи заметил, что при обучении солдатам дают оружие и проводят практическую подготовку. А вот при политической подготовке народа, всё происходит иначе, возможности использовать свои политические права на практике людям не предоставляют. «Это подобно методу обучения плаванию на суше. Коренная причина в том, что тренер по плаванию сам не понимает принципов плавания. Сам не знает метода, поэтому окружающим не позволяет спускаться в воду. Если посмотреть в корень, такой тренер не специалист» [3, с. 608].

Ло Лунцзи не отверг гоминьдановские лозунги, но снабдил их существенными оговорками. «Партийное правление» (*дан чжи* 党治) возможно, но при этом сперва следует спросить отстаивающих эту форму организации власти людей, способны ли они «править партией» (*чжи дан* 治党). «Политическая подготовка-опека» также возможна, но сперва нужно спросить у тех, кто её проводит, достаточно ли у них для этого познаний. «Иными словами, нам сперва нужно спросить управляющих делами многих людей, являются ли они специалистами по управлению» [3, с. 608]. Ло Лунцзи заключил, что мир XX в. отличается от эпохи Чуньцю–Чжаньго, когда победитель становится императором, поскольку эта идея несовместима с демократической политикой. «Лишь когда есть справедливые выборы и открытые экзамены, может появиться настоящая политика специалистов. Лишь когда будет политика специалистов, станет возможным спасти нынешний Китай» [3, с. 608].

В предисловии к сборнику о правах человека Ху Ши привёл притчу о птице, которая пыталась каплями с крыльев потушить пожар, бушевавший в её родных горах. На этот раз пламенем охвачен весь Китай, и авторы книги также не могли остаться безучастными. Зная, что «маленькие капли не погасят огонь», в меру своих скромных сил они старались облегчить груз своей совести [3, с. 523]. Современный исследователь Гэн

Юньчжи заметил: «А что это за огонь? Конечно, прежде всего, это народная революция под руководством КПК. Только в то время определённая часть гоминьдановцев не поняла этого и не поверила в „заботу“ Ху Ши» [2, с. 165].

Ло Лунцзи продолжил политическую борьбу. 4 ноября 1930 года его арестовали по указанию гоминьдановских властей за «реакционные речи» и «оскорбление премьера». Благодаря вмешательству Цай Юаньпэя, который немедленно обратился к партийным начальникам, Ло Лунцзи вышел на свободу в тот же день (подробнее см. [5, с. 219–220]).

В написанной в начале 1931 г. статье «О коммунизме в Китае» [4, с. 245–269] Ло Лунцзи дал Гоминьдану два совета: «Раскрепостить сознание (*цзефан сысян* 解放思想), считать важной свободу, а не „единство“. Реформировать политическую систему, демократией заменить „партийное правление“» [4, с. 245].

Ло Лунцзи отвергал методы и цели коммунистов, признавая, что военными методами победить их невозможно. Гоминьдану он рекомендовал прояснить прежние трактовки партийного учения и отказаться от отождествления «трёх народных принципов» с коммунизмом. Нужно также отказаться от подчинения образования партийной идеологии, не допускать догматизации, побуждающей молодёжь искать истину в коммунистической литературе.

В мире есть лишь один способ сдерживания реакции – это замена одних идей другими, указывал Ло Лунцзи. К примеру, К. Маркс провёл последние годы в Лондоне, там он написал «Капитал», англичане попали под влияние его учения и в середине – конце XIX в. там поднялось коммунистическое движение. Но потом было создано Фабианское общество, которое изучило ситуацию в Великобритании и предложило «фабианский социализм». Они открыто обсуждали и спокойно критиковали, в итоге с подъёмом фабианского социализма привлекательность коммунистической идеологии пошла на спад. «Если бы тогда консервативная и либеральная партии в Великобритании назвали свои „измы“ священными, свою политику – всемогущей, осуществили „партизацию образования“ и „единомыслие“, то коммунистическое правительство в Великобритании возникло бы наверно раньше, чем в Советской России» [4, с. 265].

Учёный рекомендовал Гоминьдану отказаться от однопартийной диктатуры, модель которой была позаимствована у коммунистов. Гоминьдановцы безуспешно призывают бороться с коммунистами, потому что люди чувствуют, что государство подчинено партии и для них нет разницы, какая это партия – ведь у народа нет политических прав и возможности воздействия на политику. По мнению Ло Лунцзи, люди не хотят победы компартии, но желают поражения Гоминьдану. Если однопартийная система будет демонтирована, народ получит свободу слова и собраний, то ситуация станет иной – молодёжи станет легче найти свое место в жизни, гнев народа успокоится, политика войдёт в нормальную колею, а в экономике можно будет обдумывать планы развития. И тогда учение компартии никак не сможет удержать свои позиции.

После 1949 г. Ху Ши и Лян Шицю уехали на Тайвань. Оба продолжали научные занятия. Занимавший пост президента Академии Синика Ху Ши продолжал добиваться от Гоминьдана перехода к многопартийности и сменяемости власти. Политические поиски привели Ло Лунци к созданию Демократической лиги, которая была призвана стать третьей силой, альтернативной Гоминьдану и КПК. После образования КНР он встал на сторону новых властей и занимал руководящие посты. В 1957 г. попытка вывести Китай на путь демократии превратила Ло Лунци в одну из главных мишеней кампании против «правых», поставившей точку в его политической и исследовательской карьере.

#### Литература

1. *Крымов А.Г.* Общественно-политические воззрения Ху Ши // Китай: поиски путей социального развития (из истории общественно-политической мысли XX в.). М.: Наука ГРВЛ, 1979. С. 172–189.
2. *Гэн Юньчжи.* Ху Ши яньцзю луньгао (Исследования Ху Ши). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007.
3. Жэньцюань луьнци (Сборник статей о правах человека) // Ху Ши вэньци (Собрание сочинений Ху Ши). Ред. *Оуян Чжэшиэн.* Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. Т. 5. С. 523–608.
4. *Ло Лунци.* Чжэнчжи луньвэнь (Политические статьи) // Шанхай: Синьюэ шудянь, 1932.
5. *Сан Фэнкан (桑逢康).* Ху Ши жэньци гуаньси (Отношения Ху Ши с людьми). Шанхай: Вэньхуй чубаньшэ, 2010.